

С наступлением июля лето вступило в свои права. Люди сбросили с себя плотные одежды — халаты, накидки и теплые куртки, сменив их на легкие и прохладные льняные рубашки.

Солнце с самого восхода разливало палящий зной. В самый жаркий месяц года кузницы закрывали свои двери, а полевые работы становились невозможными днем. Трудиться приходилось ранним утром, пока еще не рассвело. Благо, в это время года оставалось лишь пропалывать сорняки и бороться с вредителями.

Весной в деревне прорыли оросительные каналы, и хотя это стоило немало средств, проблема с поливом была решена, что значительно облегчило труд. Несмотря на один неприятный инцидент с наемными работниками, они выполняли свою работу исправно.

Цин Янь раньше никогда не жил так. Летом темнело поздно, но, встав с рассветом, он зачастую едва дожидался наступления сумерек — усталость наваливалась так сильно, что он, умывшись, ложился спать рано.

После работы в поле Цю Хэнянь аккуратно складывал собранные овощи на тележку, размещал там же сельскохозяйственные инструменты, оставляя место для Цин Яня. Он подкладывал ему мягкую подстилку, и на обратном пути Цин Янь садился на тележку, раскрывал зонтик из промасленной бумаги, чтобы укрыться от солнца, и, прихлебывая воду из бурдюка, ел кусочки лепешек, прикрывая глаза и дожидаясь, пока его муж довезет его домой.

Если овощей собирали много, домой не возвращались, а сразу отправлялись на рынок в городок, чтобы продать урожай и немного подзаработать.

По дороге назад Цин Янь обычно держал в руках либо чашку охлажденного отвара с солодкой, либо порцию сладкого ледяного лакомства. Наслаждаясь вкусом, он время от времени звал:

— Хэнянь!

Мужчина, тянувший тележку, лишь качал головой и отвечал:

— Я не хочу.

Через какое-то время Цин Янь снова обращался к нему:

— Муж!

Тогда Цю Хэнянь останавливал тележку, подходил к нему и позволял покормить себя ложкой ледяного лакомства.

Однажды Цин Янь съел слишком много охлажденного десерта с лекарственной айвой, что

вызвало у него сильное расстройство желудка. В течение двух-трех дней он чувствовал себя настолько плохо, что даже похудел. После этого случая Цю Хэнянь строго запретил такие лакомства, и сам Цин Янь перестал их желать, вспоминая, сколько неловких моментов доставило ему расстройство.

В первый день недомогания он бегал в уборную десятки раз. Врач осмотрел его, выписал горькое лекарство, которое пришлось пить, зажав нос. Однако эффект не был мгновенным, и к следующему дню кожа на его бедрах натерлась настолько, что появилась боль. Каждый новый поход в уборную причинял еще больше страданий.

Цин Янь с детства боялся боли: даже мелкая царапина на пальце заставляла его жаловаться и искать утешения. А теперь к боли в животе прибавились мучительные ощущения от натертой кожи.

Однажды Цю Хэнянь, обеспокоенный его долгим отсутствием, отправился на поиски и нашел Цин Яня у стены, со слезами на глазах. Тот стоял, опираясь на стену, и тихо плакал.

Раньше Цин Янь скрывал свои слезы, но, дважды заплакав при муже, потерял остатки стеснения и теперь не сдерживал себя, когда становилось плохо.

Цю Хэнянь, увидев его в таком состоянии, испытал одновременно жалость и смешанные чувства. Он бережно подхватил супруга на руки, как больного, и отнес в дом, уложив на кровать. Принес таз с водой, чтобы умыть его лицо и руки, и разжег печь, чтобы нагреть воды.

Когда все было готово, Цю Хэнянь вернулся в комнату, а Цин Янь, едва сдерживая слезы, спросил:

— Ты зачем воду нагрел? Я не буду пить

Цю Хэнянь вылил горячую воду в таз, разбавил ее холодной и проверил температуру рукой. Затем, обращаясь к Цин Яню, спокойно сказал:

— Отныне каждый раз буду тебя промывать. Так станет немного легче.

Цин Янь на мгновение замер, засомневавшись, правильно ли он понял слова мужа. Но Цю Хэнянь тут же подтвердил их действиями.

Он задернул шторы, и в комнате стало темнее. Затем подошел к Цин Яню, обхватил его одной рукой за талию, будто тот весил совсем немного, и легко поднял его с постели. Цин Янь повис в воздухе, словно маленький цыпленок. На полу, позади него, уже стоял таз с теплой водой.

— Надень обувь и присядь, — мягко, но настойчиво велел Цю Хэнянь.

Цин Янь, не задумываясь, подчинился. Его плечи были мягко направлены вперед, так что руки уперлись в деревянную доску у кровати. Он, слегка наклонившись, ощутил, как Цю Хэнянь стягивает с него одежду. Прохладный воздух коснулся обнаженной кожи, и Цин Янь вздрогнул. А когда теплая вода коснулась его тела, он распахнул глаза, все еще не веря в происходящее.

Цю Хэнянь, стараясь действовать как можно осторожнее, аккуратно омывал его, проявляя нежность и терпение. Он не стал использовать грубое домашнее полотенце, опасаясь повредить чувствительную кожу. Вместо этого взял свою чистую и мягкую нижнюю рубашку, которой бережно промокнул воду. Закончив, он решил просто выстирать ее потом.

Когда все было готово, он помог Цин Яню подняться, и тут заметил, что тот снова плачет. Лицо Цин Яня покраснелось, и слезы текли по щекам. Цю Хэнянь тут же поднял его на руки и посадил себе на колени, как ребенка. Похлопывая его по спине, он мягко спросил:

— Что случилось? Я сделал тебе больно?

Цин Янь покачал головой, обнял шею мужа и, всхлипывая, прошептал:

— Ты так долго мыл... мне так стыдно.

Цю Хэнянь с улыбкой поцеловал его в висок.

— Что тут такого? Я ведь знаю тебя вдоль и поперек.

— Не в этом дело, — Цин Янь всхлипнул еще громче. — Ты так долго мыл... а я опять хочу в уборную!

Цю Хэнянь застыл на секунду, затем рассмеялся:

— Ничего страшного. Закончи, а потом я снова тебя помою. Как раз вода еще теплая.

Цин Янь полностью пришел в себя только через два дня. Ежедневные промывания действительно помогли: к последнему дню частые походы в уборную сократились, а раздражение на коже стало заживать.

Хотя болезнь была небольшой, она сильно вымотала его. Когда Цин Янь наконец почувствовал себя лучше, ему показалось, что небо стало ярче, еда вкуснее, а мир вокруг — удивительно прекрасным.

Ранним утром, когда небо едва начало светлеть, во дворе раздался бодрый крик большого петуха, сидящего на заборе. Его неожиданно поддержала маленькая курочка, пронзительно кудахтавшая, будто соревнуясь с ним в громкости.

Цин Янь, услышав этот шум, подумал, что это старый ястреб снова прилетел за цыплятами. Подобное уже случалось: однажды хищник напал на курицу и оставил на ее шее кровавый след. Та курочка выжила, но ее шея так и осталась кривой.

Вспомнив об этом, Цин Янь поспешил во двор, опередив даже Цю Хэняня. Однако никакого ястреба там не оказалось. Вместо этого, заглянув в курятник, он нашел первое яйцо, снесенное его курицей. Оно было еще теплым, а на скорлупе остались крошечные следы крови.

Счастливый Цин Янь показал яйцо Цю Хэняню, который шел за ним следом. Его лицо слегка загорело на солнце, но все равно оставалось светлее, чем у других. После болезни он похудел, щеки впали, а подбородок стал острее. Одежда, казалось, висела на нем, вызывая невольную жалость. Но сейчас он выглядел невероятно довольным, его глаза светились радостью, а в улыбке читалась легкая гордость.

Цю Хэнянь, улыбаясь, взглянул на него, наклонился и слегка ущипнул его за подбородок:

— Цин Янь, ты у меня просто молодец.

В тот же день еще три курицы снесли яйца. Их оказалось достаточно, чтобы приготовить целую тарелку яичницы.

Цин Янь, полный энтузиазма, захотел сам заняться готовкой, но Цю Хэнянь остановил его. Вымыв руки и надев фартук, он сам замесил тесто и сварил легкий суп с лапшой. Два из четырех яиц он поджарил, сделав нежную яичницу-глазунью.

Цин Янь выглядел слегка разочарованным, но знал, что сейчас важно восстановить силы, и смирился.

На следующее утро, пока Цю Хэнянь ушел в поле работать, Цин Янь проснулся поздно, выспавшись как никогда. Боли больше не было, тело чувствовало себя легко и свободно, будто болезнь никогда и не существовала.

Решив, что нужно подкрепиться, Цин Янь отправился в деревню, чтобы купить соевый жмых — остатки от переработки масла. Они были отличной добавкой для корма. Вернувшись, он положил их в большой котел и оставил вариться на медленном огне.

Потом, надев соломенную шляпу, он отправился к реке, что текла рядом с домом. Там он выкопал полную корзину дикого цикория. Это растение росло до самой осени, и после сбора одна партия быстро сменялась другой. Оно было отличным кормом для кур и уток.

Вернувшись домой, он аккуратно удалил корни, промыл листья и оставил их сушиться.

Когда соевый жмых сварился и был еще мягким, Цин Янь взял топорик и нарезал их тонкими

ломтиками. Затем он измельчил их, оставил остывать, а потом нарубил цикорий, смешал все вместе и положил в кормушку. Маленькие курочки моментально сбежались и начали жадно клевать корм, громко кудахча.

Цин Янь стоял рядом, наблюдая за ними, и чувствовал такое удовлетворение, будто накормил самого себя.

После этого он вымыл доску и нож, немного прибрался во дворе и уже собрался пойти в дом отдохнуть, как вдруг услышал стук в калитку. За ней раздался знакомый голос:

— Цин Янь дома?

Улыбка на лице Цин Яня постепенно угасла. Он прижал губы, постоял немного, словно раздумывая, и лишь потом ответил:

— Дома.

Он направился к воротам и открыл их.

На пороге стоял Шэнь Вэнь с небольшой корзиной на руке. Увидев Цин Яня, он тепло улыбнулся:

— Только что с поля, собрал немного перца. Слышал, у вас он не растет, вот решил принести.

Цин Янь вежливо улыбнулся в ответ, но его глаза оставались холодными. Он отступил в сторону, пропуская гостя:

— Проходи, присаживайся.

Шэнь Вэнь вошел во двор и, заметив густую зелень виноградной лозы, которая карабкалась по забору и тянулась к навесу, с восхищением сказал:

— У вас виноград просто загляденье. У меня никак не хочет расти.

Цин Янь лишь коротко улыбнулся:

— Наверное.

Шэнь Вэнь бросил на него быстрый взгляд, опустил глаза, а затем снова поднял их, все так же улыбаясь. Однако, отвернувшись от Цин Яня, он быстро помрачнел, а его взгляд стал потерянным.

Когда они дошли до стола в наружной комнате, Шэнь Вэнь сел, а Цин Янь взял корзину, чтобы пересыпать из нее перец. Шэнь Вэнь тут же вскочил и с натянутой улыбкой сказал:

— Ничего особенного, не суди строго.

Цин Янь, вместо того чтобы принять дар, вернул корзину и сел напротив. Немного помолчав, он спросил:

— Как дела дома? Слышал, староста и старейшины выделили вам десять му земли?

Шэнь Вэнь кивнул и, вздохнув, ответил:

— Нашу землю Ван Хэяо продал, а есть стало нечего. Староста сказал, что не может позволить нам умереть с голоду, поэтому от каждой семьи отняли немного и передали нам десять му. Но это в долг. Каждый год нам придется понемногу возвращать деньги за землю.

Он опустил голову.

— Земля — это уже хорошо. Хотя бы есть будет что. Староста даже помог собрать деньги на семена и удобрения. На рис или батат уже поздно, так что в прошлом месяце я посадил перец, огурцы, хурму и люфу. Этого хватит, чтобы дотянуть до осени, да еще и немного продать. Так хоть на хлеб заработаем.

Цин Янь кивнул:

— Это хорошо.

После этого повисло молчание. Цин Янь, опустив глаза, задумчиво смотрел на стол. Он больше не говорил, но и не выгонял гостя. Однако его отношение явно отличалось от прежнего — теперь в нем не было той сердечности, что прежде.

Шэнь Вэнь заметно посерьезнел, опустив голову. Спустя долгую паузу он произнес с хрипотцой в голосе:

— Только что из уезда пришли с вестями. Ван Хэяо приговорен к немедленной казни через обезглавливание. Приговор приведут в исполнение после осеннего судебного заседания.

Цин Янь резко взглянул на него. Шэнь Вэнь, все еще глядя вниз, чуть усмехнулся:

— Его мать, услышав новость, рухнула в обморок. Когда я уходил из дома, она лежала на земле и рыдала.

Он поднял глаза на Цин Яня и добавил:

— Вы с даланом наверняка давно поняли, что произошло. Я виноват перед вами обоими.

Шэнь Вэнь не стал уточнять, о чем именно он говорит. Не озвучивая вслух, он будто оставлял пространство для того, чтобы все притворились, что ничего не знают, — так будущее казалось менее опасным.

Цин Янь открыл было рот, чтобы что-то сказать, но лишь опустил глаза и тихо ответил:

— Я понимаю, как тебе было трудно.

Слезы вдруг потекли из глаз Шэнь Вэня, словно ручейки, и он, всхлипывая, сказал:

— Я не рассчитываю, что ты будешь ко мне относиться, как прежде. Но если когда-нибудь тебе понадобится моя помощь, просто дай знать, и я сделаю все, что смогу.

Он провел рукой по лицу, вытер слезы и поднялся, собираясь уходить.

Подходя к двери, он остановился, будто хотел что-то добавить, но, прикусив губу, лишь развернулся и, с красными глазами, быстро вышел.

Той ночью пьяный Ван Хэяо, словно жалкий пес, сидел на полу в наружной комнате. В руках он держал молоток и с яростью бил им по низкому табурету, будто по человеческой голове. С каждым ударом он бормотал себе под нос:

— Сначала забью эту суку до смерти, потом забью скупую старуху. Спрячу молоток в доме у того страшного уroda, пойду в уездное управление и доложу. Урода обезглавят, а мне этот красавчик-гер тоже не нужен — пусть обоих казнят. Тогда дом и кузница останутся только моими. Никто больше не будет мне досаждать!

Шэнь Вэнь, прячась за дверью, слушал это с холодеющим сердцем.

На следующее утро он купил два цзиня свиной лопатки и вернулся домой. В течение следующих дней он мастерски, шаг за шагом, мягкими намеками и тонкими словами подталкивал Ван Хэяо к тому, чтобы тот оказался в ловушке собственных замыслов.

Шэнь Вэнь думал, что рассказывать все это сейчас бесполезно. Это бы никак не изменило того, что он сознательно использовал и манипулировал Цин Янем и его мужем.

Спустя неделю старуха Ван скончалась.

Перед смертью она несколько дней стонала в постели, а Шэнь Вэнь, проявив видимую заботу, позвал лекаря. Но лекарь, осмотрев ее, лишь покачал головой и велел готовиться к похоронам.

Две последние трагедии в семье старухи Ван стали предметом обсуждения для всей округи. Каждый, кто слышал об этом, невольно вздыхал и качал головой.

Соседи, живущие неподалеку, собрали для Шэнь Вэня немного денег. На гроб их не хватило, и вместо него купили большую циновку. Старуху завернули в нее, наняли людей с телегой, по дороге сожгли немного бумажных денег, а затем похоронили ее у подножия холма на окраине деревни, рядом с ее давно умершим мужем.

После похорон Шэнь Вэнь разобрал вещи из ее комнаты. Все, что можно было продать, он продал, остальное выбросил. Найденную большую связку ключей он использовал, чтобы открыть все шкафы и сундуки, но даже после тщательных поисков не обнаружил ни единого медяка.

Человека больше нет, пыль к пыли, земля к земле. Старые обиды и распри остались в прошлом. Все было закончено.

Старуха Ван умерла на рассвете. Но никто не знал, что за несколько часов до смерти она, едва держась на ногах, все же поднялась с постели.

Собрав остатки сил, она пошатываясь дошла до дровяного сарая во дворе. В куче дров она нашла сверток, спрятанный много лет назад. Затем взяла лопату и, часто останавливаясь, вернулась в свою комнату.

Там, у основания одной из опорных балок, она начала копать. Это заняло у нее немало времени, но она сумела вырыть достаточно глубокую яму. После этого старуха взяла сверток, и ее обычно тусклые глаза на мгновение загорелись. Она крепко прижала его к груди и долго сидела так, будто пытаясь впитать последние крупички радости.

Развернув ткань, она увидела блестящие серебряные слитки. Яркий блеск металла словно освещал комнату. Старуха Ван терпеливо пересчитала их один за другим. Всего их оказалось ровно сто лян.

Закончив счет, она погладила слитки с выражением полного удовлетворения. После этого она снова завернула серебро в ткань, вытащила из постели циновку, чтобы дополнительно упаковать клад, и спрятала его в только что вырытую яму. Заполнив ее землей, она утрамбовала грунт так, чтобы ничего не было заметно. Пол в ее комнате и без того был неровным и земляным, так что следы быстро исчезли.

Закончив, она нашла в себе силы вернуть лопату на место во двор, вытерла грязь с подошв своих туфель и легла обратно в постель.

Менее чем через два часа она испустила последний вздох.

Старуха Ван знала, что Ван Хэяо — никчемный и беспокойный сын, и винить в этом следовало ее саму. Она всегда потакала ему, но теперь было уже поздно что-либо менять.

Она знала, что эти деньги нельзя трогать. Стоило хоть раз использовать их, и жизнь семьи стала бы совсем невыносимой. Если Ван Хэяо узнал бы о кладе, он проиграл бы все за одну ночь. Поэтому ее главной задачей было спрятать деньги.

С годами серебро стало для нее навязчивой идеей, смыслом ее жизни. Даже когда ее сын женился, она не вытащила слитки на помощь семье. Когда он захотел взять наложницу, она не дала денег. Когда его донимали ростовщики, она не протянула руку помощи. Даже когда домочадцы ели заплесневелый рис, она не тронула клад.

А когда ее сына арестовали и приговорили к смертной казни, она даже не подумала использовать серебро, чтобы попытаться договориться.

Эти деньги были ее жизнью. Теперь, когда она умерла, никто не сможет ими воспользоваться. Пока дом не снесут и не перекопают фундамент, серебро останется недоступным.

Уходя, старуха Ван не жалела ни о чем. Она умерла с чувством полного удовлетворения.

<http://bllate.org/book/13590/1205205>